

Национальное проявление экзистенции

Т.М. Махаматов¹, Т.Т. Махаматов², Д.З. Музашвили³

¹ Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация;

² Московский технический университет связи и информатики, Москва, Российская Федерация;

³ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Цель статьи — исследование национальной формы объективного проявления экзистенции, рождающейся в процессе поиска человеком своей жизненной и духовной гармонии. Авторы раскрывают мысли К. Ясперса об «экзистенции в объективности». Выявлена и раскрыта диалектика экзистенции поиска жизненной гармонии и душевного равновесия, возникающая в результате дисгармонии как в жизни индивида, так и в самом обществе. Проблемы, проявляющиеся при поиске гармонии и баланса между жизненной позицией индивида и реальностью в обществе, а также трудности реализации выбранного индивидом варианта гармонии порождают в душе человека экзистенции различной глубины и остроты. В исследовании сделаны выводы: (1) только гармония, соответствующая объективной логике жизни общества, способствует смягчению экзистенции личности; (2) экзистенции индивида, как писал К. Ясперс, всегда имеют объективную форму проявления посредством национальных традиций, обычаев и поступков человека.

Ключевые слова: поиск гармонии; экзистенция; нигилизм; экзистенция смерти; национальные традиции; Улугбек Хамдам; художественная литература

Для цитирования: Махаматов Т.М., Махаматов Т.Т., Музашвили Д.З. Национальное проявление экзистенции. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2026;16(2):150-158. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-2-150-158

ORIGINAL PAPER

The Existence of the Search for Harmony

T.M. Makhamatov¹, T.T. Makhamatov², D.Z. Muzashvili³

¹ Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation;

² Moscow Technical University of Communications and Informatics, Moscow, Russian Federation;

³ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The purpose of the article is to study the awakening of existence in the process of a person's search for his vital and spiritual harmony. The authors use a specific analysis to reveal K. Jaspers' thoughts about "existence in objectivity." The dialectic of the existence of the search for vital harmony and mental balance resulting from the onset of disharmony both in the life of an individual and in society itself is revealed and disclosed. The problems that arise in the search for harmony and balance between an individual's life position and reality in society, as well as difficulties in the process of realizing the individual's chosen harmony option, are generated in the human soul by a number of existences of varying depth and acuteness. The conclusions of the study are, firstly, that only such harmony helps to soften the existence of the individual, which corresponds to the objective logic of society, and secondly, the existence of the individual, as K. wrote. Jaspers, they always have an objective form of manifestation through national traditions, customs and human actions.

Keywords: search for harmony; existence; nihilism; existence of death; national traditions; Ulugbek Hamdam; fiction

For citation: Makhamatov T.M., Makhamatov T.T., Muzashvili D.Z. The existence of the search for harmony. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2026;16(2):150-158. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-2-150-158

ВВЕДЕНИЕ

В жизни человека, как точно определил К. Ясперс, «без экзистенции все становится как бы пустым, как бы выхолощенным, как бы беспочвенным, все утрачивает свою подлинность, потому что делается нескончаемым рядом масок и всего лишь бытием, или сугубым существованием» [1, с. 56]. Согласно философии экзистенциализма, душевные страдания, определяющие общечеловеческую экзистенциальность индивида, — хрупкость, одиночество, тоска и чувствительность внутреннего мира каждого перед давлением внешнего мира — не зависят от его национальности, вероисповедания и политической позиции и сопровождают его на протяжении всего жизненного пути.

Современная философия экзистенциализма открывает конкретность генезиса экзистенции человека, так как экзистенциальность зарождается через призму традиций, обычаев, национальных и культурно-цивилизационных особенностей народа каждого индивида. Поиск форм сочетания противоположностей между универсальностью сущности экзистенции и конкретностью ее рождения и проявлений определен в некоторых художественных произведениях, где экзистенциальность персонажей выступает вызывающим катарсис эстетическим фактором.

Художественная литература образно, динамично через эмоции персонажей раскрывает как универсальные, так и национальные «одеяния» экзистенции. Яркие примеры представлены в произведениях Ф. Достоевского, А. Платонова, Ч. Айтматова [2–4], Г. Маркеса и др. Литературные персонажи помогают выявить новые основания и факторы рождения экзистенции человека, расширяют предметную область философии экзистенциализма и способствуют ее дальнейшему развитию.

По поводу значения художественной литературы для экзистенциализма известный австралийский философ Джефф Малпас отмечал, что ряд ключевых экзистенциалистских работ (или работ, которые обычно рассматривались как таковые) действительно были произведениями художественной литературы — «Тошнота» Жан-Поля Сартра и «Посторонний» Альбера Камю. Это два отличных примера. Хотя некоторые ключевые фигуры в рамках экзистенциалистской традиции или близкие к ней были скорее литературными, чем философскими, — что верно в отношении Камю и, конечно же, Беккета [5, 6]. Действительно, в романах писателей XX в. при помощи художественных образов раскрывались новые аспекты, нюансы рождения и углубления

экзистенции индивидов различного социального положения [7].

Обратимся к творчеству узбекского ученого и писателя доктора Улугбека Хамдама, который, подобно Ж.-П. Сартру и А. Камю, в своих научных и художественных произведениях раскрывает новые проявления экзистенции, порождающие ее факторы, заключенные в национальных традициях, ценностях, менталитете и образе жизни узбекского народа [8].

С одной стороны, доктор Хамдам обосновывает универсальность экзистенциального феномена, раскрывая, что в каждом индивиде, независимо от его национальной принадлежности, есть пограничное с психически больным человеком состояние, за которым скрывается потенциальная экзистенция. Как он пишет: «Иногда действительное состояние здоровых людей мало чем отличается от состояния пациентов психиатрического диспансера, разве только на здоровых белые рубашки да и галстуки надеты» [9]. С другой стороны — Хамдам отражает влияние образа жизни, национальных традиций и моральных ценностей на формирование, содержание и проявление экзистенции отдельного индивида-узбека. Исходя из вышесказанных особенностей хамдамовского раскрытия экзистенции, авторы настоящего исследования в качестве основной цели рассматривают диалектику порождения экзистенции в индивиде через призму национальных традиций.

Методология исследовательской работы определяется необходимостью перевода трудов доктора Улугбека Хамдама с узбекского на другие языки; также требуется проведение с опорой на принципы герменевтики сравнительного анализа экзистенциальности в художественных произведениях Хамдама с понятиями философии экзистенциализма. Учет особенностей факторов узбекской реальности как порождающих экзистенцию требует использования принципов историзма и системного подхода, методов сравнительного анализа, диалектического понятийного синтеза и др.

ГЕНЕЗИС ЭКЗИСТЕНЦИИ

Проблемы раскрытия диалектики генезиса и обострения экзистенции индивида в процессе разрушения и поиска человеком своей жизненной гармонии актуальны для современного экзистенциализма [10, 11]. Данное исследование занимает центральное место в экзистенциальных произведениях и научных работах Хамдама. В какой-то мере его поиск в этой области можно считать новым словом

в современной философии экзистенциализма. В его трудах на первый план выдвигается диалектика рождения и обострения экзистенции в душе человека в результате разрушения стабильности общественной жизни, когда главной проблемой каждого человека становится нахождение форм своей духовной и жизненной гармонии.

Доктор Хамдам начинает экзистенцию поиска гармонии с раскрытия особенностей рождения экзистенции у человека в детстве, далее — выход подростка из домашнего мира в большой, не совсем понятный ему внешний мир. Начальная форма экзистенции образуется в момент разрушения первичной наивной гармонии детской души, его идеализированного детского мира, когда он впервые сталкивается с жестоким, в его понимании, безразличием взрослых к его идеализированной реальности [12]. На первых страницах романа он показывает рождение детской экзистенции, выявляет и исследует действие нового порождающего экзистенцию фактора: нарушение гармонии в душе ребенка. Мальчишка Юсуф впервые сталкивается с разрушением своего детского желания проложить дорожку в пушистом и чистом снегу для своих односельчан. Бездушное разрушение автобусом красоты чистого и пушистого снега, которым любовался мальчик, и дорожки, пробитой им для односельчан, было разрушением гармонии в сознании. Бездушное, с точки зрения мальчика, действие водителя лишило его цели дальнейшего действия, породило пессимизм и нигилизм.

«Юсуф грустно и расстроено глядел на оставленный автобусом след в чистом снегу и не знал, что дальше делать. Уже неинтересно идти вперед. Автобус все испортил — разворошил, как символ чистоты и красоты, пушистый белый снег» [9, с. 12]. Экзистенция человека, рожденная в его душе в детстве, волнообразно возрождается, нахлынывает во взрослом возрасте неоднократно — в периоды жизненных трудностей: впадение в абсурд, наступление безнадежности, покинутости и, прежде всего, в процессе потери и поиска гармонии [13].

Окружающая реальность, коммуникации, кажущиеся на первый взгляд прекрасными и заманчивыми, как и прежде, в действительности оказываются лишь обманчивой и абсурдной декорацией жизни, за которой скрываются ложь, жестокость, обман, измена близких, а также безобразие и уродство жизни. Этот разлад между идеалами человека и окружающей его социальной реальностью приводит к потере жизненной гармонии, равновесия. Такая ситуация выступает причиной возрастания

экзистенции, зарождающейся в детстве и развивающейся с онтологически неизбежным одиночеством индивида.

Одиночество, как писал К. Ясперс, «не может исчезнуть, если вместе с ним и я сам не перестану существовать, как условие коммуникации» [1, с. 65]. Каждый человек понимает, что на одном берегу жизни он «один-одинешенек», а все остальные — на другом берегу. «Одиночество — не состояние, но угнетающая и динамичная экзистенция: она то усиливается, то слабеет» [14, с. 159]. Ослабление, отступление экзистенциального одиночества происходит, если вовне встречается что-то или кто-то, кажущийся индивиду близким внутренними ценностям и гармоничным его душе.

Например, человек, потерявший душевную гармонию и впавший в состояние экзистенциальности, — как герой рассказа «Камень», — находит во внешней красоте случайной молодой женщины гармонию, которую он искал. От женской красоты незнакомки как будто вокруг героя рассказа все изменяется: отступает его «невыносимый, тягостный, мучительный» мир, исчезает «гнетущее ощущение тяжелого камня, разрывающего грудь» [14, с. 161].

Хамдам обнаруживает, что коммуникация не только рождает экзистенцию, как писал Ясперс, но она, то обостряя, то смягчая, управляет экзистенцией индивида. В рассказе раскрывается, что понятие истинной гармонии не сводится лишь к внешней красоте: чтобы снять экзистенцию личности, женщина должна сочетать в себе гармонию внешней женской красоты с гуманностью и милосердием. Истинная красота, как еще Гегель писал, есть гармония внешней природной красоты явления с его внутренней духовной красотой. Обнаружение у женщины отсутствия ожидаемой гармонии внешнего и внутреннего вызывает тошноту у героя «Камня», как у Антуана Рокантена в «Тошноте» Ж.-П. Сартра [15].

Хищный блеск в глазах красавицы, ее рот, «похожий на окровавленную пасть хищника, только что расправившегося со своей жертвой», жадный взгляд на рыбу и безразличие к умерщвлению рыбы продавцом стирают видимость гармонии внешнего и внутреннего, даже перечеркивают ее внешнюю красоту. Она для экзистенциального индивида, восхитившегося ее внешней красотой, уже перестает соответствовать его понятию гармонии. Говоря словами Ж.-П. Сартра, в ней «не остается ничего человеческого» [15, с. 29]. За внешней красотой женщины обнаруживается скрытое от постороннего взгляда внутреннее уродство, что именно и вызывает у героя экзистен-

циальную тошноту. Это то, что А. Камю обозначает как одно из проявлений абсурда — как «отвращение, вызванное бесчеловечностью самого человека» [16, с. 231].

Доктор Хамдам конкретизирует понятие «бесчеловечности человека» как отсутствие душевной, внутренней красоты, как нарушение гармонии между ценностями в духовном мире индивида и прагматичными ценностями окружающей действительности, в которой то скрытно, то явно происходит «невероятная убыль» внутреннего «достоинства человека» [17, с. 41].

В жизни каждого человека подобная дисгармония встречается неоднократно и не определяется социальным пространством. Однако, когда в обществе происходят глобальные изменения, в нем образуется экзистенциальное социальное пространство, порождающее в душе каждого индивида экзистенциальность разной глубины.

ЭКЗИСТЕНЦИЯ ДИСГАРМОНИИ

Распад Советского Союза спровоцировал процесс искажения духовных ценностей, разрушение традиций, сформировавшихся в советском обществе на территориях всех бывших республик: порождаемые противоречия в духовном мире граждан бывшего Советского Союза разрушали их идеалы и мировоззрение, тем самым образовывая экзистенциальное пространство в обществе. Недавние советские люди становятся «бывшими советскими», они начинают понимать, осознавать, что нарушается установленная и принятая, доступная их пониманию общественная гармония; стабильность, определенность их жизни и благополучие съеживаются как шагреновая кожа, исчезают куда-то; в обществе нарушается равновесие, теряется вера в завтрашний день и наступает господство дисгармонии. Именно такую картину доктор Хамдам отражает в вопросительных рассуждениях школьного учителя Садыка, который жалуется, что «мы же — народ, утверждающий, что добились свободы, празднующий свою независимость», но почему же школьный учитель уже не может, как прежде, думать о школьных уроках, а вынужден постоянно думать о куске хлеба для семьи [9].

Лейтмотивом экзистенциализма доктора Хамдама является мысль, что каждый человек пытается найти свою жизненную гармонию, без чего не может спокойно прожить свою жизнь. Возникшая в обществе дисгармония, разрушая идею человека о стабильности, о жизненной гармонии, его стремление к ней, порождает в нем понятие абсурдности

своего бытия. Ускользание четкой цели и смысла своей жизни, наступление хаоса в окружающей его действительности усугубляет и обостряет его экзистенцию одиночества [13].

При наступлении времени дисгармонии в любом обществе перед каждым его членом возникает выбор пути, ведущего к душевной и жизненной гармонии. Определившись, можно превратиться в Рокантена из «Тошноты» Сартра, или же оказаться в положении Мерсо из «Постороннего» Камю, или же бороться за объективную логику реальности, деятельно участвовать в преодолении абсурда как в своей душе, так и в общественной реальности, подобно мифологическому персонажу Сизифу из эссе Камю.

Редкие личности, такие как главный герой романа «Гармония» Юсуф, могут, подобно Сизифу, вздуматься и, борясь и преодолевая волны своих экзистенций, дойти до понимания объективной логики происходящих в обществе изменений, осознать необходимость своего деятельного участия в этом процессе для осуществления своих целей и в этой деятельности находить свою душевную и жизненную гармонию. Юсуф принял связь своей судьбы с судьбой общества, только так он сможет преодолеть свою экзистенциальную боль [9, с. 325].

Но кто-то другой находит гармонию в ином выборе, как, например, чиновник Саид. Он, находясь под психологической властью своей жены, теряет способность самостоятельно мыслить, предает друга, ради карьеры идет на уступки своему начальнику. Такая цена — его гармония — создавать видимость активного участия в потоке жизни. Как только он исчерпал свой скудный потенциал, его, не соответствующего логике течения, не понявшего ее и не принимающего в нем деятельного участия, выбросило на берег как щепку. На место неверно выбранной гармонии приходит экзистенция отверженности, одиночества [9, с. 232–235, 292, 311].

Предприниматель Миразим находит свою жизненную гармонию в часто нечестном зарабатывании денег, постепенно впадая в омут духовной ограниченности и одиночества. Поверхностная природа такого образа деятельности, принимаемая им за гармонию, постепенно теряет свою привлекательность, начинает его морально изнашивать, выхолащивать. Миразим приходит к пониманию, что из-за отсутствия высокой жизненной цели, к которой нужно стремиться выбранная им концепция гармонии далека от изменяющейся реальности страны, начинает топить его в экзистенции пустоты и абсурда. Запрещая по узбекским традициям своей жене

Захро устроиться на работу, Миразим и ее толкает в омут экзистенции одиночества, душевной пустоты, абсурда и невостребованности [9, с. 246–248, 111].

Другой результат экзистенциального социального пространства в узбекском обществе 90-х гг. XX в. проявляется в судьбе доцента Эргаша. Его, талантливого ученого-физика и преподавателя университета, распад СССР и трудности перехода к независимости Узбекистана застали врасплох. Он полностью потерял как жизненную, так и духовную гармонию, не смог найти себе новую социальную роль, новый смысл жизни. Из-за отсутствия собственной воли он не в состоянии бороться за свое достоинство, ценности и идеалы. Отсутствие поддержки со стороны университета, общества, а также без должного понимания и поддержки жены Эргаш впадает в мир одиночества и невостребованности.

Он оказывается в положении человека абсурда, о котором писал А. Камю: «принадлежит времени и с ужасом осознает, что время — его злейший враг. Он мечтал о завтрашнем дне, а теперь знает, что от него следовало бы отречься. Этот бунт плоти и есть абсурд» [16, с. 230]. У Эргаша положение худшее, чем у героев пьесы С. Беккета «В ожидании Годо», которые получали, хотя и пустые, но обещания помощи от некоего Годо [7].

Другой, утрированно-религиозный вариант гармонии встречается у Амира, старшего брата Юсуфа. Он, как и многие бывшие граждане Советского Союза, фанатично подчиняет себя, других, всю окружающую его социальную реальность и погружает в далекие от реальности, искаженно познанные и неадекватно понятые им религиозные ценности. Как писал С. Кьеркегор, «всякое этическое и этико-религиозное познание по сути своей соотносится с экзистированием познающего субъекта» [18, с. 198].

В этой своей деятельности, в невостребованной обществом активности, он находит ложную и коварную жизненную и духовную гармонию и впадает в экзистенцию абсурда и одиночества. Его гармония-пустышка, найденная в религии, дурманит Амира как опиум, который не столько утешает, сколько уводит из реалий. В Амире первоначально господствует ницшеанский активный нигилизм, «как насилие, направленное на разрушение» [18]. В результате он приходит к полному отрицанию всего внешнего мира как «недостойного» своим религиозным идеалам.

Как показывает доктор Хамдам, действие ложной гармонии таково, что люди, придерживающиеся так называемой искаженной и абстрактной формы гармонии, рано или поздно окажутся в духовном

кризисе и погрузятся в пассивный нигилизм в его ницшеанском понимании. Согласно Ф. Ницше, одним из значений нигилизма является «падение и регресс мощи духа: пассивный нигилизм» [19]. Такой нигилизм направлен во внутренний мир человека, он порождает в человеке экзистенцию неполноценности, одиночества, бросает в омут абсурда в разных его проявлениях. Так и происходит с Амиром — проявление результата неверного выбора своей жизненной гармонии.

ЭКЗИСТЕНЦИИ СМЕРТИ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ОДЕЯНИЯХ

Согласно доктору Улугбеку Хамдаму, экзистенции, порождаемые трудностями поиска духовной и жизненной гармонии, объективируются, или же, если говорить словами К. Ясперса, проявляются как «экзистенции в объективности» сквозь призму национальных обычаев, традиционного общественного бытия каждого народа и этнических групп. Важно подчеркнуть, что универсальные, общечеловеческие экзистенции — одиночество, абсурд, покинутость, отчаяние и смерть — возникают и проявляют себя в странах Африки в одной форме, в Латинской Америке — в другой, в буддийской, конфуцианской и мусульманской странах Азии — в совершенно иных формах.

В этом аспекте в экзистенциализме доктора Хамдама внимание исследователей привлекает философия смерти, в которой в национальных одеяниях проявляют себя открытые классиками экзистенциализма особенности экзистенции смерти. Как известно, М. Хайдеггер в параграфе 47 своего знаменитого труда «Бытие и время» писал, что экзистенция смерти возникает прежде всего у оставшихся в живых при ушедшем из жизни. «Смерть, — пишет Хайдеггер, — приоткрывается, правда, как утрата, но больше как такая, которую испытывают оставшиеся в живых» [19, с. 272]. К. Ясперс также придерживается близкого Хайдеггеру понимания смерти и пишет, что «смерть как процесс существует только как смерть другого» [1, с. 225].

У Хамдама же экзистенция смерти, благодаря национальной окраске, приобретает большую конкретность, разнообразность. Он раскрывает, как смерть одного узбека на чужбине усиливает у его соотечественника экзистенцию тоски по своей родине, порождает боль потери коммуникации на родном языке, усиливает чувство языкового одиночества. Смерть друга — человека другой национальности — у узбека вызывает экзистенцию одиночества и осознание своей покинутости и полную абсурдность своей жизни [20, с. 51–52].

Но каждый узбек, как и человек любой национальности, закат собственной жизни, неумолимое приближение своей смерти находит в облике стареющих родственников и друзей. Ведь любого индивида при мысли о быстротечности жизни поглощает экзистенциальная грусть, и он ощущает, что «смерть есть самое страшное зло, которое больше всего страшит человека...» [21, с. 737].

Однако у узбеков понимание и восприятие как своей смерти, так и смерти других — близких и чужих — более многозначно. Свою смерть узбек воспринимает как неизбежное возвращение к Аллаху и в лоно природы: он готовится встретить ее достойно и мечтает быть похороненным в родной земле, где похоронены его предки. Но узбек-родитель, как родитель любой национальности, не может воспринимать смерть своего ребенка как должное: она разрушает душевное равновесие родителя, порождает в нем понимание абсурдности окружающей действительности и толкает на безнадежный бунт разума.

Доктор Хамдам, исследуя силу национального менталитета и моральных ценностей, раскрывает, что смерть может быть также результатом убийства, совершенного узбеком под давлением традиционной общественной морали из-за попытки исключить индивида из его же сообщества за потерю чести и достоинства. В этом случае убийство человеком виновника попиранья его чести выступает не как рядовое убийство, не как обычное преступление, но как кровавое, в то же время якобы справедливое восстановление человеком-убийцей своей чести перед своими земляками. В таком случае одобряемое большинством его земляков совершенное им убийство выступает для него как преодоление экзистенции отверженности из своего сообщества.

Так происходит с Пулатом, главным героем романа «Отец», который, не разобравшись в сути извещения (сплетни), под давлением общественного понятия чести убивает единственную и любимую дочь за то, что она родила внебрачного ребенка. Восстановив убийством свою честь перед сообществом и преодолев одну экзистенцию, он получает другую, более болезненную и глубокую — вечные страдания за убийство собственного ребенка.

Здесь прослеживается параллель с библейской историей Авраама и его сына Исаака, описанной С. Кьеркегором в «Страхе и трепете». В библейской истории, хотя Бог ниспослал Аврааму агнца и спас его от детоубийства, старец всю оставшуюся жизнь страдал от осознания, что он собирался, пусть даже по воле Бога, убить своего единственного и любимого сына. Пулат же оставался в одиночестве со своей

экзистенцией опозоренности перед беспощадными односельчанами и исполненным смертным приговором дочери. Никто из односельчан даже не пытался помочь ему одуматься, как бы «ниспослать агнца». Этой трагической сценой Хамдам раскрывает проявляющуюся негативную силу давления узбекских традиционных моральных ценностей на душу индивида, их потенциал создавать в обществе экзистенциальное пространство [20; 22].

Традиционные нравственно-этические ценности и образ общественной жизни узбеков, с одной стороны, сохраняют позитивные достижения народа, устойчивость и стабильность их жизнедеятельности. Но, с другой — они часто оказывают негативное давление на психологию личности узбеков, тем самым порождают экзистенциальное пространство в национальном социуме и скрытую экзистенцию в душах членов сообщества, вынуждая их ради соблюдения господствующих нравственных требований ломать себя, свою судьбу, идти на отречение от своих близких или даже на их убийство [23].

Формирование и обострение экзистенции у проникнувшегося национальным менталитетом индивида-узбека обусловлены дисгармонией между его личными ценностями и господствующими традиционными ценностями общества, в которых, по словам Ницше, человек ищет смысл, которого в них нет: «Ищущий в конце концов падает духом». Согласно Ницше, когда властвуют ценности масс, тиранизирующие индивидов, выступающих за признание незаменимости каждого индивида, это приводит восставших индивидов к потере веры в себя и превращению в нигилистов [17, с. 96; 24].

Противоречие между первоначально внешними для индивида ценностями общества, иногда массы, разрушающее духовную и жизненную гармонию личности, имеет место во всех обществах и во все времена. Однако в традиционных обществах, каковым является и Узбекистан, вышеуказанное противоречие имеет устойчивый и порой очень обостренный характер, что часто приводит к нарушению душевной гармонии человека. Индивид бывает вынужден искать соответствующую его интересам жизненную гармонию. В борьбе за достижение своей душевной и социальной гармонии люди погружаются в мир экзистенции, в котором некоторые теряют себя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наше исследование приводит к выводу, что нарушение духовной и жизненной гармонии разного уровня и глубины преследует каждого человека в течение всей его жизни. Индивид стремится

и обязан достичь гармонии, без чего у него не будет стабильной и относительно спокойной жизни. Как дисгармония, так и достижение гармонии, да и вся жизнь человека, полная различных форм и глубины экзистенции, обрамлена в национальные одеяния, проходя через призму национального образа жизни, национальных традиций народов, в независимости

от региона проживания (Африка, Латинская Америка, Азия и Европа) [25, 26].

Обнаружение национальной окраски проявлений экзистенции и ее исследование в художественных образах, как показал наш анализ, является главным достижением доктора Улугбека Хамдама в области экзистенциальной философии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ясперс, Карл. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции. Пер. с нем. Москва: «Канон+»; РООИ «Реабилитация»; 2021.
2. Бужор Е. С., Шевченко О. В. О мотивах ада, чистилища и рая в творчестве Ф. М. Достоевского. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(2):75-83. URL: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-2-75-83>
3. Варава В. В. Первый русский экзистенциалист: о повести Ф. М. Достоевского «Белые ночи». *Наука. Искусство. Культура*. 2022;2(34):77-98. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48724305>
4. Варава В. В. Седьмой день Сизифа. Эссе о смысле человеческого существования. М.: Родина; 2020. URL: <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2022-3-349-357>
5. Malpas J. Existentialism as Literature. In book: *The Cambridge companion to existentialism*; 2012:289-321. URL: <https://doi.org/10.1017/CCOL9780521513340.015>
6. Calder, J. *The Philosophy of Samuel Beckett*. London; 2001. <https://archive.org/details/philosophyofsamu0000cald>
7. Беккет С. В ожидании Годо: пьесы. Пер. с фр. Москва: 2019; 284, [2] с.
8. Hamdam, U. *Jahon adabiyoti: Modernism va postmodernism*. Toshkent: Akademnashr; 2020. (На узб.).
9. Хамдам У. Мувозанат. Toshkent: Yangi asrlar avlodi; 2024. (На узб.).
10. Saarinen J. A. A critical examination of existential feeling. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2018;17(3):363-374. URL: <https://doi.org/10.1007/s11097-017-9512-4>
11. Makhamatov T. How the philosophy of existentialism was formed. *XLinguae*. 2025;18(3):179-188. URL: <https://doi.org/10.18355/XL.2025.18.03.12>
12. Варава В. В., Махаматов Т. М. Новые формы экзистенции в произведениях Ч. Айтматова. *Философия и общество*. 2021;100(3):143-155. URL: <https://doi.org/10.30884/jfo/2021.03.09>
13. Музашвили Д. З. Проблема одиночества в социальной философии. *Философия и общество*. 2010;3(59):101-109. URL: <https://www.elibrary.ru/nbfejh>
14. Хамдам У. Забытая мелодия ная. Пер. с узб. Ташкент: Мухаррир; 2013.
15. Сарт Ж.-П. Тошнота: Роман. Пер. с фр. Санкт-Петербург: Азбука-классика; 2003.
16. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде. Сумерки богов. Пер. с фр. М.: Политиздат; 1989:222-318.
17. Ницше Ф. Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей. Пер. с нем. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус; 2025.
18. Кьеркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам». Пер. с дат. М.: Академический проект; 2021.
19. Хайдеггер, Мартин. Бытие и время. Пер. с нем. Москва: Ad Marginem; 1997.
20. Хамдам У. Ота: роман. Тошкент: Ешлар матбуоти; 2023. (На узб.).
21. Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика Божественного и человеческого. В кн: *Христианство. Марксизм. Экзистенциализм*. Москва: Академический проект; ФНИСЦ РАН; Трикта; 2022.
22. Гагарина М. А., Соловова Н. А., Неврюев А. Н. Отношение россиян к смертной казни: роль личностных и социально-психологических характеристик. *Психология и право*. 2024;14(3):13-25. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140302>
23. Махаматов Т. М. Диалектика экзистенции социального пространства. *Гуманитарные науки. Вестник финансового университета*. 2023;13(5):75-83. URL: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2023-13-5-75-83>
24. Хайдеггер М. Ницше и пустота. Москва: Родина; 2023.
25. Wardle, D. A contemporary sense of existentialism. *South African Journal of Philosophy*. 2016:336-344. URL: <https://doi.org/10.1080/02580136.2016.1209932>

26. Barun K.J. Features of Existentialism. *IOSR Journal of Humanities And Social Science (IOSR-JHSS)*. 2020;25(8)9:60-63. URL: <https://doi.org/10.9790/0837-2508096063>

REFERENCES

1. Jaspers, Karl. Philosophy. The second book. Enlightenment of existence. Translated from German. Moscow: "Canon+"; ROOI "Rehabilitation"; 2021. (In Russ.).
2. Buzhor E.S., Shevchenko O.V. On the motives of hell, purgatory and paradise in the works of F.M. Dostoevsky. *Humanities. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(2):75-83. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-2-75-83>
3. Varava V.V. The first Russian existentialist: About F.M. Dostoevsky's novel "White Nights". *Science. Art. Culture*. 2022;2(34):77-98. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48724305> (In Russ.).
4. Varava V.V. The seventh day of Sisyphus. An essay on the meaning of human existence. Moscow: Rodina; 2020. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2022-3-349-357>
5. Malpas J. Existentialism as literature. In book: *The Cambridge companion to existentialism*; 2012:289-321. URL: <https://doi.org/10.1017/CCOL9780521513340.015>
6. Calder J. The Philosophy of Samuel Beckett. London; 2001. URL: <https://archive.org/details/philosophyofsamu0000cald>
7. Beckett S. *Waiting for Godot: Plays*. Translated from French. Moscow; 2019. 284, [2] p.
8. Hamdam U. *Jahon adabiyoti: Modernism va postmodernism*. Toshkent: Akademnashr; 2020. (In Uzbek).
9. Hamdam U. *Muvozanat*. Toshkent: Yangi asrlar avlodi; 2024. (In Uzbek).
10. Saarinen, J.A. A critical examination of existential feeling. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2018;17(3):363-374. URL: <https://doi.org/10.1007/s11097-017-9512-4>
11. Makhamatov T. How the philosophy of existentialism was formed. *XLinguae*. 2025;18(3):179-188. URL: <https://doi.org/10.18355/XL.2025.18.03.12>
12. Varava V.V., Makhamatov T.M. New forms of existence in the works of Ch. Aitmatov. *Philosophy and society*. 2021;100(3):143-155. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.30884/jfio/2021.03.09>
13. Muzashvili D.Z. The problem of loneliness in social philosophy. *Philosophy about society*. 2010;3(59):101-109. URL: <https://www.elibrary.ru/nbfejh> (In Russ.).
14. Hamdam U. *The forgotten melody of naya*. Transl. from Uzbek. Tashkent: Muharrir; 2013.
15. Sart J.P. *Nausea: A novel*. Transl. from French. Saint Petersburg: ABC Classics; 2003. (In Russ.).
16. Camus A. *The myth of Sisyphus. An essay on the absurd. Twilight of the Gods*. Transl. from French. Moscow: Politizdat; 1989:222-318. (In Russ.).
17. F. Nietzsche *The will to power: The experience of reassessing all values*. Translated from German. St. Petersburg: ABC, ABC-Atticus; 2025. (In Russ.).
18. Kierkegaard S. *The final unscientific afterword to the Philosophical Crumbs*. Transl. from the dates. Moscow: Academic Project; 2021. (In Russ.).
19. Heidegger Martin. *Genesis and time*. Transl. from German. Moscow: Ad Marginem; 1997. (In Russ.).
20. Hamdam, U. *Ota: roman*. Toshkent: Yeshlar matbuotil; 2023. (In Uzbek).
21. Berdyaev N.A. *The existential dialectic of the Divine and the human*. In: *Christianity. Marxism. Existentialism*. Moscow: Academic Project; FNISC RAS; Triksa; 2022. (In Russ.).
22. Gagarina M.A., Solovova N.A., Nevryuev A.N. The attitude of Russians to the death penalty: the role of personal and socio-psychological characteristics. *Psychology and law*. 2024;14(3):13-25. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140302>
23. Makhamatov T.M. Dialectics of the existence of social space. *Humanities. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(5):75-83. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2023-13-5-75-83>
24. Heidegger M. *Nietzsche and the void*. Moscow: Rodina; 2023. (In Russ.).
25. Wardle D. A contemporary sense of existentialism. *South African Journal of Philosophy*. 2016:336-344. URL: <https://doi.org/10.1080/02580136.2016.1209932>
26. Barun K.J. Features of existentialism. *IOSR Journal of Humanities And Social Science (IOSR-JHSS)*. 2020;25(8)9:60-63. URL: <https://doi.org/10.9790/0837-2508096063>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Таир Махаматович Махаматов — доктор философских наук, профессор, Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Tair M. Makhamatov — Dr. Sci. (Philos.), Prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-1166-4203>

makhamatov.tair@mail.ru

Тимур Таирович Махаматов — кандидат философских наук, доцент, Московский технический университет связи и информатики, Москва, Российская Федерация

Timur T. Makhamatov — Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Technical University of Communications and Informatics, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0003-0997-3979>

Timour.makhamatov@gmail.com

Диана Зурабовна Музашвили — кандидат философских наук, доцент кафедры психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Diana Z. Muzashvili — Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-7500-1513>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

DZMuzashvili@fa.ru

Заявленный вклад авторов:

Т.М. Махаматов — концепция исследования, анализ сущностной и контекстной системы объективной формы экзистенции, философский анализ влияния национальных традиций на экзистенцию личности, интерпретация исторической памяти как рефлексии сущности, перевод литературы с узбекского на русский язык.

Т.Т. Махаматов — разработка системного подхода к анализу исторической памяти, исследование роли религиозного сознания на образ жизни индивида, перевод и интерпретация источников на английском языке.

Д.З. Музашвили — анализ исторической памяти в контексте национальной идентичности и коллективного субъекта, обзор и синтез современных дискуссий и источников, формулирование основных выводов и интеграция субъектной и объективной форм экзистенции через национальный менталитет.

Authors' contributions:

T.M. Makhamatov — conceptualization of the research, analysis of the essential and contextual concepts of historical memory within the framework of classical and non-classical rationality, philosophical interpretation of historical memory as a reflection of essence.

T.T. Makhamatov — development of systemic and autopoietic approaches to the analysis of historical memory, investigation of historical memory as a means of self-reflection of the state-system, analysis of the opposition between epistemological and ontological holism.

D.Z. Muzashvili — analysis of historical memory in the context of national identity and collective subject, review and synthesis of contemporary debates and sources, formulation of the main conclusions and integration of subjective and systemic ontology in the study.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 05.02.2026; после рецензирования 20.02.2026; принята к публикации 16.03.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 05.02.2026; revised on 20.02.2026; accepted for publication on 16.03.2026.

The authors read and approved the final version of the manuscript.